

— СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК —

— παραλιπομένων —

Дмитрий Шестаков
Упрямый
классик

— СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ —
(1889–1934)

Серебряный век. Паралипоменон

Дмитрий Шестаков

**Упрямый классик. Собрание
стихотворений(1889–1934)**

«Водолей»

2014

Шестаков Д. П.

Упрямый классик. Собрание стихотворений(1889–1934) /
Д. П. Шестаков — «Водолей», 2014 — (Серебряный век.
Паралипоменон)

Дмитрий Петрович Шестаков (1869–1937) при жизни был известен как филолог-классик, переводчик и критик, хотя его первые поэтические опыты одобрил А. А. Фет. В книге с возможной полнотой собрано его оригинальное поэтическое наследие, включая наиболее значительную часть – стихотворения 1925–1934 гг., опубликованные лишь через много десятилетий после смерти автора. В основу издания легли материалы из РГБ и РГАЛИ. Около 200 стихотворений печатаются впервые. Составление и послесловие В. Э. Молодякова

© Шестаков Д. П., 2014

© Водолей, 2014

Содержание

Стихотворения (1900)	9
1. А. А. Фету («Твой ласковый зов долетел до меня...»)	9
2. «Нас кони ждут... Отдайся их порывам!...»	10
3. «В бледных сумерках мятели...»	11
4. «Деревья чуть обвеяны листвою...»	12
5. «Молитесь, молитесь! Уж бледные крылья...»	13
6. «Я сойду в мой сад пораньше...»	14
7. «Я уходил, тревожный и печальный...»	15
8. «Если безмолвным и светлым волнением...»	16
9. Вечером	17
10. Вакханка	18
11. У колодца	19
12. «О друг мой! соловьи счастливее меня...»	20
13. «Прости, прости безумные упреки...»	21
14. «Ты знаешь ли, как сладко одинокому...»	22
15. В толпе	23
16. «Осень в сердце твоём, и в саду у тебя...»	24
17. «У моря, у тихого моря...»	25
18. «Непогодную ночью осеннею...»	26
19. «В золоте осеннем грустная аллея...»	27
20. «Голая береза шелестит о стекла...»	28
21. «Нет, не могила страшна...»	29
22. Романс («О, как далёко и как враждебно...»)	30
23. Friede (Средневековая суббота)	31
24. Осеннее	32
25. Измена	33
26. Март	34
27. Петух	35
28. Фрейбург (Картина Мюнье)	36
29. Актэон	37
30. «Чужая гавань и люди чужие...»	38
31. Toscana	39
32. Два века	40
33. Статуя Минервы	41
34. В дальнюю чащу лесов	42
35. Сион	43
36. Старый колокол	44
37. Надпись на «Декамероне»	45
38. «Месяц серебряный в темные наши аллеи...»	46
39. Собаки	47
40. В. В. Розанову	48
41. На юбилей Пушкина (26 мая 1899 г.)	49
Стихотворения	50
«От красоты и в дни глухие...»	50
Владивостокские ямбы	51
В вагоне	51

I. «По сопкам ползают туманы...»	51
II. «Не говори: уж все воспето...»	51
III. «Под этим ясным небосклоном...»	52
IV. «Люблю я молодость и нежность...»	52
V. Парус	52
VI. Апрель	52
VII. «И друг, и родина далеко...»	53
VIII. «Не сожалею, что жизнь минует...»	53
IX. «С лесной горы взгляни на море...»	53
X. «Устав от красок и от зноя...»	54
XI. «Немного слов и песен надо...»	54
XII. «Какая тишина и нежность...»	54
XIII. Ясная осень	55
XIV. Тайфун («Порой взамен беспечной неги...»)	55
XV. «Как ярко солнце ноября...»	55
XVI. «И в зиму так же небо сине...»	56
XVII. «Оно прекрасно и высоко...»	56
XVIII. «Наверно, вот в таких краях...»	56
XIX. Тайфун («Нам небом послан был тайфун...»)	57
XX. Твоя скала	57
XXI. Опорная, 18[1]	57
XXII. Марина	57
XXIII. Владивостоку	58
XXIV. Нарцисс	58
XXV. «Забуду ль я вот эти горы...»	58
Миги	60
I. Цветы	60
II. На бревне	60
III. «Я люблю эти ранние, робкие грезы...»	60
IV. Последний миг	61
V. «Много звучит голосов...»	61
VI. «Не говори, что ты устала...»	61
VII. «Сердцу и только ему...»	61
VIII. «Я рад бы не любить, я рад бы не мечтать...»	62
IX. Календарное	62
X. «Светлы весенние просторы...»	62
XI. «Я сумел бы тебя и любить, и ласкать...»	63
XII. «Право, не надо нам долгих речей...»	63
XIII. «Выйдем тихонько бродить»	63
XIV. «Опять весна, и негой сладкой...»	64
XV. Даль	64
XVI. «Ты вся в звездах. В окне открытом...»	64
XVII. «И праздник мой настал. Густою...»	65
XVIII. «Печаль и музыка одно...»	65
XIX. «Как после тягостной разлуки...»	65
XX. «Право, иного я счастья не жду...»	65
XXI. Окошко	66
XXII. Пень	66
XXIII. «Есть в одинокой, ясной ночи...»	66

Конец ознакомительного фрагмента.

67

Дмитрий Петрович Шестаков

Упрямый классик. Собрание стихотворений (1889–1934)

© В. Э. Молодяков, Составление, подготовка текста, примечания, послесловие, 2014

© В. А. Резвый, подготовка текста, примечания, 2014

© М. и Л. Орлушины, 2014

© Издательство «Водолей», 2014

* * *

Стихотворения (1900)

1. А. А. Фету («Твой ласковый зов долетел до меня...»)

Твой ласковый зов долетел до меня,
И снова душа пробуждается, —
Ей тихое счастье весеннего дня,
Ей вешняя ночь открывается.

Там нежные звезды плывут и дрожат,
Волна их качает пустынная...
Проснулась – и зноем наполнила сад
Бессмертная страсть соловьиная.

Так больно и властно вонзается в грудь,
Так робко и сладко ласкается, —
И к ярким созвучьям навеки прильнуть
Бессильно душа порывается.

Конец 1891

2. «Нас кони ждут... Отдайся их порывам!...»

Нас кони ждут... Отдайся их порывам!
Пусть эта ночь в молчании своем
Обвеет нас дыханием счастливым,
Подхватит нас сверкающим крылом.

Уж мы летим, наедине с звездами,
Наедине с голубоокой мглой,
И волны сна смыкаются за нами
Холодную, певучею чредой.

1898

3. «В бледных сумерках мятели...»

В бледных сумерках мятели,
В мгле без цвета и без дна
Словно звезды заблестели
Свечи милого окна.

Сквозь морозные узоры,
Головой прильнув к стеклу,
Вижу – ты склонила взоры
Над работою в углу.

С страстью дерзкой и тревожной
Я в приют твой не войду,
Полюбуюсь осторожно,
Осторожно отойду.

Будь твой вечер тих и нежен,
И когда придет пора,
Благодатен, безмятежен
Сон невинный до утра.

1895

4. «Деревья чуть обвеяны листвою....»

Деревья чуть обвеяны листвою,
Прозрачна даль,
И ты несешь пустынною тропюю
Свою печаль.

Прекрасна ты, как ясный вечер мая, —
Но почему
Душа болит, твоих очей встречая
Немую тьму?

О, не грусти, забудь былые грезы, —
За ливнем вслед,
И свеж, и чист, свои роняет слезы
Душистый цвет.

1890

5. «Молитесь, молитесь! Уж бледные крылья...»

Молитесь, молитесь! Уж бледные крылья
Бездушная гостя раскрыла над нею.
Лежит – разметалась в томлени бессилья,
Как птичка больная, малютка родная...
Я истине верить не смею!

Давно ли, давно ли в улыбке счастливой
Ее раскрывались румяные губки,
И смех разливался волной шаловливой,
И солнце, казалось, лишь ей улыбалось,
Ей – маленькой нашей голубке...

Молитесь, молитесь! Чуть теплится чутко
Над детской постелькой ночник, замирая;
И ангелы нежно целуют малютку
В усталые глазки, и светлые сказки
Ей шепчут, с собой увлекая...

1895

6. «Я сойду в мой сад пораньше...»

Я сойду в мой сад пораньше, —
Не спугну ли легких фей,
В красоте кудрей их длинных
И заплаканных очей.

Над водой всю ночь сегодня
Собиралися оне,
Развиваясь и свиваясь
В хороводах при луне.

Мне бы только легкий трепет
Легких крыльев уловить
И загадочного смеха
Ускользающую нить.

1893

7. «Я уходил, тревожный и печальный...»

Я уходил, тревожный и печальный, —
Ты всё в толпе, ты всё окружена,
Напрасно ласки жаждала прощальной
Моя душа, смятения полна.

Пустым речам, моей не видя муки,
Внимала ты, беспечная, смеясь.
Вокруг тебя порхали вальса звуки
И нежная мелодия вилась.

Но где от лип темней ложились тени,
Где ключ журчал невидимой струей,
В тоске любви, в тревоге и смущенье,
Твой легкий шаг узнал я за собой.

Любимые напевы покидая,
Из шума зал блестящих ты сошла,
Как эта ночь, отраду обещая,
Как эта ночь, приветливо светла.

Ты вскинула сверкающие руки
На плечи мне, дрожа и торопясь,
А вдалеке пылали вальса звуки
И нежная мелодия лилась.

1899

8. «Если безмолвным и светлым волненьем...»

Если безмолвным и светлым волненьем
Взор твой сияет, о друг мой любимый,
Если румяным и милым смущеньем
Нежные щеки так знойно томимы;
Если прозрачная ночь голубая
Тихо волну осыпает звездами,
Если черемуха дышит над нами,
Белые кисти неслышно качая, —
Как мне признаться, и надо ль признание,
Сладко томящее робкую душу?
Бледным ли словом живое молчанье
Царственной ночи безумно нарушу?

1898

9. Вечером

На мрамор резной водоема,
Звения, набегает волна.
Одни мы, далеко от дома,
Нас негасла сковала одна.

Нам веет вечерними снами,
Погасло мерцанье зари,
И крупными небо звездами
Усеяло ризы свои...

О, друг мой! душа отдыхает,
Сомнений в нет нет, ни тревог,
И месяц лучами ласкает
Задумчивый наш уголок.

1890

10. Вакханка

В забытом уголке покинутого сада,
Под свежим пологом поникнувших ветвей,
Вздыхает и поет лукавая наяда;
Звенит и плещется несякнущий ручей.
И, лик пленительный над влагою склоняя,
Всегда недвижная над вечным бегом вод,
В сиянии мрамора вакханка молодая,
Роняя тяжкий тирс, усталая, встает.
В час полдня знойного, когда оцепененье
И яркий сон царит на тихих берегах,
Люблю ловить следы борьбы и опьянения
У девы каменной в загадочных очах...
Уж взору чудится – дыхание живое
Приподымает грудь и расторгает сон,
И жду – вот с уст ее, пронзительный, как стон,
Сорвется бранный клик: «Эван, эван – эвое!»

1898

11. У колодца

С гулом в глубокий кувшин набегают струя ледяная...
Милая дева, постой, – дай поглядеть на тебя!
Темные стрелы ресниц упали на гордые очи,
Темной змеею коса вьется на смуглом плече,
Хмурится круглая бровь, – и с трепетом дерзкий пришелец
Ждет... Ослепи же его молнией южных очей.

1895

12. «О друг мой! соловьи счастливее меня...»

О, друг мой! соловьи счастливее меня:
Не их ли звучный клич, волнуя и маня
Еще неведомой, но сладостной любовью,
Слетает на заре к девичью изголовью,
И гонит чуткий сон и пламенной мольбой
В неясной полумгле томится над тобой,
И, опьяняя слух волшебными мечтами,
Наполнит жаркий взор счастливыми слезами.

1898

13. «Прости, прости безумные упреки...»

Прости, прости безумные упреки,
Ревнивые угрозы мне прости,
Далекий друг, любимый и далекий,
Минутный луч, блеснувший одиноко
И гаснущий на сумрачном пути!
Унылая, пустынная дорога,
Унылые, напрасные мечты,
И там, вдали, у милого порога,
Последних роз манящая тревога
И осенью побитые листья.

1898

14. «Ты знаешь ли, как сладко одинокому...»

Ты знаешь ли, как сладко одинокому,
В загадочной, беззвучной тишине,
Лететь душой туда-туда, к далекому,
Что только раз пригрезилось мне.

То – колокол, в просторе душном тающий,
Вздыхающий и тающий, как сон,
Но за собой надолго оставляющий
И жалобный, и требующий стон.

О, где же ты, для сердца примирение?
О, где же ты, забвенья сладкий плод?
Один лишь миг, одной струны волнение —
И снова всё мгновенное живет.

Ты знаешь ли, как больно одинокому,
В загадочной, беззвучной тишине,
Лететь душой туда-туда, к далекому
Что только раз пригрезилось мне.

1899

15. В толпе

Много ли надо для счастья? Взманила весна молодая
Снова на волю к себе шумную праздность толпы.
Только из целой толпы слежу я внимательным взором,
Даже не взором – душой, робко слежу за одной.
Любо глядеть мне, как кудри сбегают широким потоком,
Черным, как поздняя ночь... Вдруг под тяжелой их мглой
Вспыхнут, как первые звезды, горячею нежностью взоры...
Что бы я не дал, когда б мне улыбнулись они!
С тихой тревогой гляжу... Дрожу я – не слишком ли дерзко
Франт этот с узким лицом, встреться, тебя оглядел?..
О, для толпы ль рождена твоя лучезарная юность?
Им ли, слепцам, оценить чудное солнце мое?

1899

16. «Осень в сердце твоём, и в саду у тебя...»

Осень в сердце твоём, и в саду у тебя
Опадает листок за листком,
И кровавая роза, дрожа и любя,
На окне доцветает твоём.

А любимый твой друг, убаюканный, спит
Там в степи, где ни сел, ни дорог,
И в смертельной красе на холме шелестит
Иммортелей осенних венков.

1898

17. «У моря, у тихого моря...»

У моря, у тихого моря,
Одни мы бродили с тобой,
Любуясь счастливою ночью,
Любуясь безмолвной луной.

У моря, у тихого моря,
В тот светлый, таинственный час,
Над нами любовь молодая
На крыльях беззвучных неслась...

То время далёко, далёко,
И ты от меня далека...
У моря, у тихого моря
Задумчиво бродит тоска...

Как призрак, задумчиво бродит,
Как призрак, беззвучно поет
У моря, у тихого моря,
У бледного зеркала вод...

1895

18. «Непогодною ночью осеннею...»

Непогодною ночью осеннею,
 У дверей,
Чей-то робкий ей шорох почудится...
 Жутко ей.

И взглядеться-то страшно в недвижную
 Эту мглу —
Ну, как бледные руки подымутся
 Там, в углу?

Не глядит, не дохнет, не шелохнется,
 А в груди
Что-то шепчет до боли назойливо:
 «Погляди».

1899

19. «В золоте осеннем грустная аллея...»

В золоте осеннем грустная аллея
Путь наш осыпала золотом листов...
Как чета влюбленных, странно холодея,
Шли мы вдоль любимых, тихих берегов.

Что-то между нами тихо обрывалось,
Словно паутины трепетная нить,
И куда-то сердце с болью порывалось,
И о чем-то сердце жаждало забыть.

И в душе роилось дум так много-много,
На уста просилось столько поздних слов,
А кругом мерцала грустная дорога
Золотом осенним вянущих листов.

1899

20. «Голая береза шелестит о стекла...»

Голая береза шелестит о стекла
Робкими руками...
Отчего же взор твой засветился снова
Тихими слезами?

Отчего безмолвна и с тоской невнятной
Смотришь в даль ночную?
Отчего с тобою я как враг ни слова,
И как друг тоскую?

Или это осень тенью молчаливой
Пронеслась над нами,
И сердца, и мысли мрачно разлучая
Гневными крылами?

1899

21. «Нет, не могила страшна...»

Нет, не могила страшна —
Страшно забвенье,
Страшно свалиться
Без силы, без воли,
В пропасть холодную
Вечного сна...
Благо тому, чью могилу
И крест молчаливый
Дружеский мягко венок обовьет,
Точно объятье
Теплой руки,
Живою поэзией красок.
Вот василек полевой —
Память далекого детства,
И розы тревожный восторг,
Там астр сиротливых мечтательность,
Георгин одинокая гордость,
И тихой фиалки,
Свежей затворницы леса,
Смиренный и всепримиряющий
Шепот душистый.
И благо и жизни, и смерти,
Когда по цветам разгорится
В ранних росинках
Погожее утро,
И тихо над гробом цветут
Слезы любви и молитвы.

1899

22. Романс («О, как далёко и как враждебно...»)

О, как далёко и как враждебно
Ты удалилась от меня!
И нет уж в сердце зари волшебной,
И в песнях нет моих огня.

Едва мерцает из тяжкой дали,
Из тяжкой дали, из темных туч,
Твой лик, исполнен немой печали,
Твоей улыбки бледный луч...

Не воротиться тому, что было,
Что догорело, что прожито.
Молчи же, сердце! Как ты любило,
Пусть не знает другой никто!

1898

23. Friede (Средневековая суббота)

Friede, friede! Тих и мирен вечер,
Только слабо колокол дрожит!
Божья весть о близком воскресеньи
От грозы насилий и обид.

Friede, friede! С узкой колокольни
Как молитва тихая парит;
Сердце тихо празднует победу
Над грозой насилий и обид.

1899

24. Осеннее

Как ночь тиха, как ночь темна!
Один прижавшийся к стеклу
Листок поблекший из окна
Глядит ко мне сквозь эту мглу.
Глядит сквозь эту мглу с мольбой
И будит горькие мечты —
Один листок, один живой
Свидетель летней красоты.
И говорит он: «Ночь темна,
Грустна безмесячная ночь,
Кругом глухая тишина...
О, не гони меня ты прочь!
О, не гони, не презирай
Моей унылой желтизны:
Я – мертвый лес, поблекший рай,
Могила песен и весны!
Я – память счастья и тревог,
Лесов живых, живых небес,
Последний трепетный листок
Из книги света и чудес.
Когда же грубо ветер злой
Меня в безмесячной тени
Сомнет, сорвет перед тобой,
Хоть раз, один хоть раз вздохни!»

1899

25. Измена

От сонных берегов, где в ласковом покое
Волны безропотной затишье голубое,
От узкой заводи, где на заре едва
Плескалась под веслом глубокая трава,
И в раннем лепете приветливой наяды
Душе мечтались бесценные награды, —
Прости, любимая! – я порываюсь вдаль
За черный гребень гор, где гневно блещет сталь,
И в смертных прихотях, и в долгих воплях боя
Хочу испить до дна призванье роковое.

1899

26. Март

Там, далеко на горах,
И в лощинках, и в долках,
Как зимы последний грех,
Тихо тает грязный снег.
И просторна, и пестра
Пробужденная гора.

Выше, выше – там пути
Человеку не найти:
Словно горы – облака,
И тропинка далека,
По которой мимо круч
К нам нисходит тонкий луч.

1899

27. Петух

Когда еще недвижны воды
И даль морозная глуха,
Мне веет радостью свободы
Веселый голос петуха.

Легко пронзая мглу ночную
Призывом звонким и простым,
Он шлет улыбку золотую
Мечтам рассеянным моим.

Он бодро требует ответа
Своей трубе, и слышен в ней
Мне праздник зелени и света
В родном саду в тени ветвей, —

Где по дорожкам солнце бродит,
Где речка сонная тиха,
И по заре свежей доходит
Веселый голос петуха.

1899

28. Фрейбург (Картина Мюнье)

С уступа плющ сползал широкими извивами,
Внизу белела древняя стена,
И песня рыбака дрожала переливами,
И голубела сонная волна.

И сердце родину любило молчаливую,
И блеск реки, и колокол вдали,
И меж лесистых скал тропинку прихотливую
Куда-то ввысь от долов, от земли.

Над светлой тишиной, над мирными долинами
Последний раз хотелось вздохнуть,
И унестиcь навек за теми исполинами
В сияющий и бесконечный путь.

1899

29. Актэон

Лишь на мгновенье узрел красоту без покровов,
Только мгновенье пред ним в наготе непорочной,
Бледная, звездного неба стояла царица...
Темная гибель висит над безумцем счастливым...
Ты ль Актэоновой участи, страстное сердце,
Ищешь – зажечься на миг и навеки погаснуть?..

1899

30. «Чужая гавань и люди чужие...»

Чуждая гавань и люди чужие, и яркое небо
Словно чужое. Глядишь – верить не смеешь очам.
Улицы – моря шумней, и в пламени воздух, и пышно
Золото страстных лучей сыплет чарующий день.
Клетка открылась – беги!.. Но что же ты смотришь, волнуясь,
Будто в смущеньи, назад, с палубы медля сойти?
Иль запросилося сердце туда – в эту ширь голубую,
Где неумолчной волны смутно качается зыбь?
Там ли родное внятней мечте открывается зоркой
В светлой мелодии звезд, в важной гармонии вод?

1899

31. Toscana

Полно, мой добрый хозяин! к чему в свой кубок глубокий
Льешь упоительных чар южного нектара мне?
Верь мне, и самая Геба меня б опьянила не слаще,
Чем этот воздух и зной, эта прозрачная даль,
И на пороге твоём, меж роз и зелени, взоры,
Полные солнца и мглы, дочери смуглой твоей.

1899

32. Два века

Юноша, гнев свой смири! Оставь назиданья, о старец!
Право, безумен, смешон ваш раздражительный спор.
Сердца жар не тебе залить, беспощадная мудрость,
Опыт медлительных лет, пепел потухших огней.
Страстное чувство, не ты признаешь венец упоений
В нежности тающих сил, в строгом сознании конца.

1899

33. Статуя Минервы

Вот изваянье любимицы мудрого Зевса.
Смотришь, как строгий резец в благородном усилии,
Творческим духом провидя высокую тайну,
Мрамору твердому предал божественный образ.
Смотришь – и молишься чистому счастью знания,
Мысли кипящей и мудрости тихим вершинам.

1899

34. В дальнюю чашу лесов

В дальнюю чашу лесов укройся, дрожащая нимфа.
Слышишь, как рог заревел, как заливаются псы.
Дерзкий пришелец в твое вторгается влажное царство...
Где же твои соловьи? Где же молчанье твое?
Треск и проклятья кругом, – и дикая жизнь торжествует
Здесь, на могиле твоих тайных мечтаний и снов.

1899

35. Сион

Мшистые камни... стена... то шепот, то стоны молитвы...
Вы ли, гонимые, здесь бледной стеснились толпой?
Мрачною верой горят, как факелы темные, взоры;
Буря рыданий и слез к темному небу растет...
«Боже! Мы – прах пред Твоей венчающей верных десницей.
Боже! Открой нам, открой недостижимый Сион!»

1899

36. Старый колокол

Грустно ты, колокол старый, на ветхой поник колокольне.
Вижу: уж больше тебе дальний простор не будить
Светлым, как день, торжеством улетающих в небо хвалений,
Строго протяжной волной долгих надгробных молитв.
Позднего ль ветра крыло тебя торопливое тронет —
Глухо последним «прости» скажется гулкая медь.

1899

37. Надпись на «Декамероне»

Тот был душою герой, кто в бледном преддверии гроба,
В темных угрозах чумы жизни разгадку обрел:
Смерти – молчанье могил и мрамор холодных надгробий,
Жизни – веселье и блеск, жизни – любовь и цветы.
Бодро испей до конца всю чашу манящих восторгов —
Черная смерть у дверей в строгих одеждах стоит.

1897

38. «Месяц серебряный в темные наши аллеи...»

Месяц серебряный в темные наши аллеи,
В самую чащу ветвей проникает... О, выйдем,
Выйдем на эту лужайку на это сиянье!
Спите волненья мятежные! Ласковой ночи
Чистое в дар принесем и незлобивое сердце,
Нежность смирения, нежность и слез, и молитвы.

1899

39. Собаки

Что за тревожную ночь послали сегодня мне боги!
Строго-прекрасная к нам в светлом молчаньи сошла.
Небо казалось очам фантастично-глубокой поэмой,
Полной мерцающих тайн, полной звездащихся слез.
И к озаренной воде сбегались туманные тени,
Точно собирались отплыть и поджидали гребца.
Нервы натянуты были, как струны, готовые к пенью...
Вдруг исполнительный пес поднял отчаянный лай.
Чу! полководца признала и славит лохматая стая;
Резко дисканты визжат, глухо рокочут басы.
Мудрый политик мирит, а молодость требует боя,
И разглашает набат внутренней смуты пожар.

1899

40. В. В. Розанову

Жадно крикливая праздность о новом и судит, и рядит;
Ты же, без жалоб неся старый терновый венец,
В образах странных уму, но чуткой приемлемых верой,
В образах темных пока, правды лелеешь зерно, —
Чтоб через много веков, поколений чрез много, быть может,
С них, с побежденной толпы, полною мерой собрать.

1899

41. На юбилей Пушкина (26 мая 1899 г.)

С тихой и светлой думой твои пробегаю страницы:
Это – безбрежная даль, – родины милой поля,
Это – горячая кровь безбрежно широкого сердца,
Это – свежо и легко мир облетевшая мысль.
Только великой стране дается великий художник,
Лишь океан красоты перлом бесценным дарит.

1899

Стихотворения

Сборник составил П. П. Перцов

«От красоты и в дни глухие...»

От красоты и в дни глухие
Я всё отречься не могу:
Оставь цветы полусухие
На этом голом берегу.
Сквозь глыбы грубого гранита
Ловя луч солнца золотой,
Пусть мне дохнут они забытой
Навек отпетой весной...

10 октября 1925

Владивостокские ямбы

В вагоне

Сменяются и доли, и леса,
Под ровный гул бегущего вагона.
Звонят ручьи из сумрачного лона
Глубоких скал, как горная роса.
И в новых красках светлый небосвод
Обетами пленительными манит,
И все поет, томится и зовет
На новый путь, ему же и конца нет.

3 июля 1925

Седанка

I. «По сопкам ползают туманы...»

По сопкам ползают туманы,
Но так горяч встающий день,
Такие яркие поляны,
Такая сладостная тень.
И сердце рвется наслаждаться,
Не трать радостных минут,
Покуда жить и любоваться
Приветы светлые зовут.
Мечта, как бабочка, как птица,
С цветка садится на цветок,
И детских сказок вереница
Теснится в радужный кружок.

29 июля 1925

II. «Не говори: уж все воспето...»

Не говори: уж всё воспето.
Смотри, как тих морской залив;
Смотри, в какую бездну света
Вон тот свергается обрыв.
И так легко, неуловимо
Созвучье неба и земли,
Что разве б арфой серафима
Мы повторить его могли.

14 августа 1925

III. «Под этим ясным небосклоном...»

Под этим ясным небосклоном,
На этих светлых берегах
Довольно сердцем озаренным
На миг замедлиться в мечтах,
Чтоб и в скитаньи и в печали,
И в час смятения и бурь
Сквозь сон припомнить эти дали
И эту чистую лазурь.

8 сентября 1925

IV. «Люблю я молодость и нежность...»

Люблю я молодость и нежность,
И очи, жгущие огнем,
И голубой мечты безбрежность,
На всем разлитую кругом,
И луч малиновый заката,
Скользнувший низко к парусам,
Рассыпав гаснущее злато
По морю, небу и горам.

4 октября 1925

V. Парус

С каким участием и тревогой
Следит мой взор в вечерний час,
Как бледный парус понемногу
Скользил вдали, скользил и гас.
Мой также парус в миг урочный
Скользнет легко за ту черту
Покинув жизнь как сон непрочный,
Как беглой грезы красоту.

28 июля 1925

VI. Апрель

Апрель... И повеваает тонко

Воскресшей вербой и водой,
И плеск весла, и смех ребенка
Весною дышат молодой...
Апрель... Беспечно и воскресно
Брожу по солнышку у вод,
И в свисте ветра так чудесно
Мой парус розовый растет.
Растет и ширится и властно
Влечет в кочующие сны,
На солнце, греющее страстно,
На синий шелк и зыбь волны.
Апрель... Весенние обманы...
Апрель... Светлеющая даль,
И враз излеченные раны,
И вмиг отпетая печаль.

2 апреля 1927

VII. «И друг, и родина далеко...»

И друг и родина далеко,
Но всё равно, когда весна,
Мила мне дальнего востока
Огнем спаленная страна.
Милы ее леса и воды,
Лазурь и золото на всем,
И в час безветренной погоды
Ладья с повиснувшим крылом.

2 апреля 1927

VIII. «Не сожалею, что жизнь минует...»

Не сожалею, что жизнь минует,
Когда с тобой перед концом
Природа пышно торжествует
Таким немеркнувшим венцом,
Когда пленительнее сказки
В ней каждый луч и каждый звук —
И песня вод, и неба краски,
И гор воздушный полукруг.

20 августа 1927

IX. «С лесной горы взгляни на море...»

С лесной горы взгляни на море,
О, вот где мира красота
В одном волшебном кругозоре
С бесценной щедростью слита!
Вверху шумят, гудят вершины,
У ног сдвигаются скалы,
А там – живые исполины —
Гремят и катятся валы.
И с каждым пенистым прибоем
Над сумраком души твоей
Со всеми величием и покоем
Победа света все полней.

7 сентября 1925

Х. «Устав от красок и от зноя...»

Устав от красок и от зноя,
Сегодня сер недвижный день,
Как будто око золотое
И приоткрыть так рано лень,
И тусклой дымкою тумана
Наутро вдруг волшебник скрыл
Всё, чем вчера благоуханно
И ослепительно дарил.

21 августа 1927

ХІ. «Немного слов и песен надо...»

Немного слов и песен надо,
Когда кругом царит краса,
Когда на листья винограда
Нисходит сонная роса,
И над молчаньем южной ночи
8 лучах предвечного огня
Трепещут звезд живые очи,
Мечту туманя и маня.

15 ноября 1928

ХІІ. «Какая тишина и нежность...»

Какая тишина и нежность,
Как далеко от пылких бурь.
Забыта ты, весны мятежность,

И лета знойная лазурь.
Уж утром медленно и строго
Встает неяркая заря,
И шепчет сердцу много-много
Усталый сумрак сентября.

17 сентября 1928

XIII. Ясная осень

Еще они прозрачны, дали,
И ясен купол голубой,
И без смущенья, без печали
Заря прощается с землей.

Еще в груди напевы юны,
Еще хотят они лететь,
И только ждут живые струны
Согласоваться и запеть.

23 ноября 1928

XIV. Тайфун («Порой взамен беспечной неги...»)

Порой взамен беспечной неги
Свирепо заревет тайфун,
И в стройный хор живых элегий
Ворвется хаос диких струн,
В такой безумной схватке фурий,
С таким стремленьем сокрушить,
Как будто ты, страна лазури,
Еще не бросила творить.

10 сентября 1928

XV. «Как ярко солнце ноября...»

Как ярко солнце ноября,
Как чисты синие просторы.
Неугасимая заря
Легла на каменные горы.
Легла и дышит без конца,
Как надышаться ей, не зная,
И лучезарного венца
Ни на мгновение не скидая.

27 ноября 1929

XVI. «И в зиму так же небо сине...»

И в зиму также небо сине
И над стихающей волной
Висит лазурною пустыней,
Дрожит бездонной глубиной.
И мнится, некий дух вселенной
Вот близко, близко, в миг немой
Прострется бездною нетленной
Над опустелою землей.

5 декабря 1929

XVII. «Оно прекрасно и высоко...»

Оно прекрасно и высоко,
Живое небо января.
От стран роскошного востока
Прикочевала к нам заря.
И над горами, надо льдами
Зимою скованных берегов
Легла воздушными волнами,
Вовек не ведавшими льдов.

16 января 1930

XVIII. «Наверно, вот в таких краях...»

Наверно, вот в таких краях
Свои венки найдут поэты:
Всё горы, горы и в горах —
То дуб, то ель, да лип букеты.
Свергаясь долу, путь гремит
Под перегруженной телегой,
А там вдали как ясен вид,
Какой он дышит вольной негой.
Ручьи колеи рекой слились,
Уж ночь в долу благоуханном,
Да, переваливая высь,
Недавний дождь ползет туманом.

19 июня 1930

XIX. Тайфун («Нам небом послан был тайфун...»)

Нам небом послан был тайфун
Чтоб духом мы не упали,
Чтоб мы не ослабляли струн
В немом бездействии печали,
Чтобы не жались, как рабы,
Под дикие раскаты грома
И вдохновение борьбы
Нам было близко и знакомо.

18 июля 1930

XX. Твоя скала

Два камня на распутьи влажном.
Мы сели там в вечерний час,
И волны с грохотом протяжным
Бросались в сумерках на нас.
Я снова здесь. Раздумья полный,
Один я над водой стою,
И горько всхлипывают волны,
Взбираясь на скалу твою.

12 декабря 1930

XXI. Опорная, 18¹

Поникла ветхая ограда,
И от ворот одни столбы,
Но буйны плети винограда,
Как победившие рабы.
Да тучи бледного жасмина,
Освобожденного от пут,
Как одиночества картина,
Участье путника зовут.

23 июня 1930

XXII. Марина

Люблю басовые тона

¹ 26-я верста (от Владивостока).

С утра встревоженного моря,
Когда на всем его просторе
Гудит и рушится волна.
Как будто линия штыков,
Неотразима в дружной силе,
Встает и в брызгах снежной пыли
Марш-марш на приступ берегов.

4 мая 1931

XXIII. Владивостоку

Есть красота в тебе живая,
Когда и с шуйцы, и с десной
Лазурь задвинет золотая
Тебя хранительной стеной.
И широко и необъятно
По зыби млеющих прохлад
Рассыпят огненные пятна
Весна и вечер и закат.

27 мая 1930

XXIV. Нарцисс

Уж город все свои огни
Зажег на всех террасах горных,
И в море теплятся они,
Как перлы средь утесов черных.
И с негой каменный Нарцисс
Над морем замер до рассвета,
И звезды мира собрались
В урочный час кругом поэта.

3 января 1931

XXV. «Забуду ль я вот эти горы...»

Забуду ль я вот эти горы
В туманный, ранний утра час,
И бухты свежие просторы,
И чаек крик, – забуду ль вас?
Иль при конце моем печальном,
Пред тем, как ступит жизнь во тьму,
Я вас, хотя б в виденьи дальном,
С тоскою сердцем обойму?

10 декабря 1930

Миги

I. Цветы

Ни к чему не прилепляться,
Все мгновеньями любить, —
Вот как надо наслаждаться,
Вот что значит жизнью жить.
Только миг у брака брачен,
Жизнь и смерть – всегда чета,
Краткий срок цветам назначен,
Но какая красота!
И бесцельны, и безвластны,
В опьянении мечты,
Так мгновенны, так прекрасны
Легкой радости цветы.

14 июля 1925

II. На бревне

На бревне, над речкой горной,
Чуть журчащей меж камней,
Сладок отдых, сладок сумрак
Еле шепчущих ветвей.
Говорят они: усталый
Путник, сядь к нам отдыхать.
Светлых сказок мы нашепчем,
Их с собой ты можешь взять.
В холод жизни, в путь далекий
Понесешь, как клад живой,
Свежий голос речки горной,
Говор леса над водой.

29 июля 1925

III. «Я люблю эти ранние, робкие грезы...»

Я люблю эти ранние, робкие грезы,
Очертанья неясные тающих снов,
И распятое кривое застывшей березы,
Не мечтавшей о пухе грядущих листов.
Я люблю эту музыку смутных созвучий,
Чуть воскресших над темной могилой души.

И в траве, по росе, голубой и певучей,
Колокольчика зов в дорассветной тиши.

12 марта 1926

IV. Последний миг

Чисто и ясно в душе заключить
Эту последнюю знойную нить,
Это смущенье и это прощай,
Этот цветов засыпающих рай,
Эту луну на скамье и у ног,
Этот весны ускользающий вздох,
Эти немые, как стражи, кусты,
Этот томительный миг красоты...

16 апреля 1926

V. «Много звучит голосов...»

Много звучит голосов, призывающих чуткое сердце,
Много задумчивых снов ночь навевает мечте,
Только призывнее всех для меня и волнует всех слаще
Свежий, как поздняя ночь, ночью подсказанный стих.

23 декабря 1926

VI. «Не говори, что ты устала...»

Не говори, что ты устала:
Еще весна твоя светла,
И ночь так пышно раскидала
И звезд и песен без числа.
Лишь только щедро и глубоко
Еще всей жизнью ты живи
И сердце распахни широко
Для слез, и неги, и любви.

25 июля 1927

VII. «Сердцу и только ему...»

Сердцу и только ему на лазурно-прозрачном рассвете,
Тихий мой друг, отдадим робкую тайну свою.
Все и поймет, и простит молчаливый и грустный волшебник,

Чтоб на заре обронить знойный и сладостный стих.

29 марта 1927

VIII. «Я рад бы не любить, я рад бы не мечтать...»

Я бы рад не любить, я бы рад не мечтать,
Но такая весна, но такая заря,
И всю ночь соловьи не давали мне спать,
В безглагольном восторге дрожа и горя.
Я бы рад не любить, я бы рад не мечтать,
Но весь вечер вчера тот ручей под окном
Торопился бежать, торопился шептать,
Как смычок по струне, об одном, об одном...

30 марта 1927

IX. Календарное

Снова май. В овраге полном
С пеньем пенится вода.
Это май, а май безмолвным
Не бывает никогда.
Разбежалось в поле стадо.
Пастушонку лень бродить.
Знать, опять кому-то надо
Любоваться и любить.
Чу, над влажными листьями
Всё желанней и звучней
Осмелевший под звездами
Запевает соловей.
Хорошо бродить свободным,
Петь и прыгать, как вода.
В сердце май, а май холодным
Не бывает никогда.

6 мая 1927

X. «Светлы весенние просторы...»

Светлы весенние просторы,
Тиха безоблачная даль,
Опять из сердца без укора
Уходит старая печаль.
И веет снами молодыми,
И думы легкие чисты,

И над могилами родными
Дрожат прозрачные листы.

15 мая 1927

XI. «Я сумел бы тебя и любить, и ласкать...»

Я сумел бы тебя и любить, и ласкать,
Только словом так трудно решиться сказать...
Я бы лучше сумел, если б розою был,
Если б тонким тебе ароматом кадил,
Если б облачком беглым я плыл над тобой,
Если б тайны ронял серебристой росой,
Если б тенью прохладной мог стан твой обнять,
Я сумел бы тогда и любить, и ласкать...

19 декабря 1927

XII. «Право, не надо нам долгих речей...»

Право, не надо нам долгих речей,
Будь только смутно журчащий ручей,
Будь только леса осеннего мох,
Будь только сердца затихшего вздох,
Будь только в темный тропинка овраг,
Будь только негой замедленный шаг,
Будь только ветер, взметнувший листву,
Будь только сказочный сон наяву.

14 сентября 1928

XIII. «Выйдем тихонько бродить»

Пойдем сегодня побродить
Одни над мирными берегами,
Пойдем душою повторить
Созвучье ночи со звездами.
И в миг, как их померкнет рой
Пред набегающим рассветом,
Как сон расстанемся с тобой,
Чтоб белый день не знал об этом.

29 марта 1929

XIV. «Опять весна, и негой сладкой...»

Опять весна, и негой сладкой
Обвеян мелкий пух аллеи,
И узкий месяц встал украдкой
Смотреть сквозь прорези ветвей.
И тает даль, и всё как прежде:
И жизнь полна, и томны сны,
И любо молодость надежде
Отдать на празднике весны.

10 апреля 1929

XV. Даль

Родная кроткая заря
Над мирной далью деревень,
Когда, задумчиво горя,
Беззвучно в ночь отходит день,
И над недвижною рекой,
Не колыхнувшей гладь струи,
Расстелет вечер золотой
Тенета мягкие свои...

20 мая 1929

XVI. «Ты вся в звездах. В окне открытом...»

Ты вся в звездах. В окне открытом
Твой профиль четко озарен,
А там, внизу, в логу забытом,
Весны светлеет тонкий сон.
Весна царит, бросая пенье
В затишье сада и села,
И в этом чистом озаренье
Ты так невинна и светла.
Мерцают звезды. Чуть росится
Плетень соседнего двора,
И сердцу хочется томиться,
Пылать и плакать до утра.

1 июля 1926

XVII. «И праздник мой настал. Густою...»

И праздник мой настал. Густою
Волною льется аромат.
Передо мною и за мною
Картины чудные лежат.
Но коротка, как сновиденье,
Моя роскошная весна,
И разве иней сожаленья
Оставит старости она.

29 августа 1929

XVIII. «Печаль и музыка одно...»

Печаль и музыка – одно.
Как широка пустыня жизни,
Как душу спавшую давно,
Томит призыв былой отчизны.
Мечте мучителен покой,
Ей внятен голос вечно юный,
И кто-то сильный и живой
В душе натягивает струны...

20 сентября 1926

XIX. «Как после тягостной разлуки...»

Как после тягостной разлуки
Красив и тих твой ясный свет,
Какие ласковые руки,
Какой пленительный привет.
Какая даль передо мною,
И как безоблачно чиста
Из сердца полного тобою
Струится песня на уста...

21 октября 1926

XX. «Право, иного я счастья не жду...»

Право, иного я счастья не жду:
Столько огней в полуночном саду;
В небе высоком огни и в воде.

Искры росы и по листьям везде,
Да и в траве под ногой светляки
В теплом мерцаньи зажгли огоньки.
Да и в косе-то, гляди, у тебя
Звездочка, что ль, заблудилась, любя...

16 октября 1929

XXI. Окошко

Люблю зеленое окошко —
Оно весь день свежо молчит,
Оно на старую дорожку
Седого путника манит, —
Дорожку топкую лесную,
Где снова он изведать рад
И сказку лета голубую,
И зной смолистых колоннад.

4 июня 1930

XXII. Пень

О волшебство природы летней, —
Леса под шумною фатой,
И всё знойней, и всё приветней
Улыбка прелести земной.
Рукой заботливою няни
Все пятна ветхие сняла
И пень кривой на той поляне
Как ризой брачной убрала.
Смотри, теснятся в дружной неге
И, хорошея с каждым днем,
Со всех сторон в листах побеги
Спешат сравняться с горбуном.

6 июня 1930

XXIII. «Есть в одинокой, ясной ночи...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.